

КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

М.В. Масловский

В зарубежной социологической литературе значительное место занимают сегодня работы по исторической социологии. Последние десятилетия отмечены существенным ростом интереса социологов к сравнительно-историческим исследованиям. Если еще полвека назад историческая социология в западных странах находилась на грани исчезновения, то в 60-е годы она заявила о себе довольно громко, а к началу 80-х годов ее роль возросла. В 80–90-е годы были опубликованы многочисленные статьи и монографии зарубежных ученых, в которых характеризовались состояние и перспективы развития исторической социологии [1–4].

Обращение к классическому периоду в развитии социологии предполагает выделение нескольких ключевых фигур «основоположников», стоявших у истоков данной научной дисциплины. В западной социологии принято выделять в качестве бесспорных классиков данной науки К. Маркса, Э. Дюркгейма и М. Вебера. В то же время перечень основоположников не обязательно должен оставаться одним и тем же для всех разделов социологии. Вклад каждого из классиков в формирование того или иного направления исследований мог быть как определяющим, так и довольно незначительным. В исторической социологии активный поиск классиков ведется в 70–80-е годы. Именно в этот период происходит формирование исторической социологии как самостоятельного направления исследований.

Британский исследователь Д. Смит рассматривает развитие исторической социологии как последовательную смену двух «волн». По его мнению, первая из этих волн начинается в середине XVIII столетия и завершается в 1920-е годы. В числе ведущих представителей исторической социологии данного периода Д. Смит называет Ш. Монтескье, Д. Юма, А. де Токвиля, К. Маркса, Э. Дюркгейма и М. Вебера [4, с. 2]. Однако более распространенным в работах современных ученых является отнесение начала классического периода в развитии социологии к первой половине XIX века. При этом формирование исторического подхода в социологии характеризуется как часть более широкого процесса развития социологической мысли.

Среди классиков социологической теории, обращавшихся к анализу исторических изменений, американская исследовательница Т. Скокпол особо выделяет К. Маркса, А. де Токвиля, Э. Дюркгейма и М. Вебера. Вместе с тем не все представители классической социологии ориентировались прежде всего на анализ конкретных исторических изменений, а не конструирование предельно общих теоретических схем. С точки зрения Скокпол, подлинный историзм отличал труды Токвиля и Вебера, а также работы Маркса, посвященные анализу текущих политических событий. В отличие от этого, в исследованиях Дюркгейма и социально-философских трудах Маркса конкретно-исторический анализ представлен не столь широко [5, с. 120–121].

Сходную точку зрения высказывал П. Штомпка. Как отмечает этот социолог: «Конт, Спенсер, Теннис или ранний Дюркгейм не выводили эволюционистские схемы и схемы теории развития из истории и не основывали на истории, а, скорее, налагали на историю. Они также рассматривали историю механистически, ... квалифицировали ход истории как predetermined, fatalistic, независимый».

мый от человеческих усилий» [6, с. 255–256]. Такому подходу Штомпка противопоставляет «аутентичный историзм» раннего Маркса, Токвиля и в особенности М. Вебера, теории которых «отрицали механистические и фаталистические предположения, овеществление социального процесса и восстанавливали человека как реального исторического субъекта» [6, с. 256].

Наибольшее влияние на развитие исторической социологии в XX веке оказали идеи М. Вебера. Многие современные ученые рассматривают вклад Вебера в формирование этого направления исследований как определяющий. Как подчеркивает немецкий социолог В. Моммзен, веберовские труды демонстрируют «широту исторических познаний, не превзойденную до настоящего времени никем, за исключением, возможно, лишь Арнольда Тойнби» [7, с. 3]. Во всяком случае среди представителей классической социологии широту исторических знаний Вебера явно никто не превзошел.

В своей исторической социологии Вебер обращается к изучению масштабных процессов исторических изменений. Наиболее значимым среди последних является процесс рационализации. Одной из основных тенденций современного ему общества Вебер считал все более широкое распространение рациональных форм социального действия и социальной организации. С точки зрения Вебера, процесс рационализации общественной жизни достиг наивысшего развития в странах Запада. В ряде своих исследований немецкий социолог стремился раскрыть исторические причины, обусловившие своеобразие рациональной западной культуры. Его интересовал вопрос о том, почему именно на Западе возникли явления культуры, получившие впоследствии универсальное значение. Вместе с тем Вебер указывал, что во всех культурах существовали самые различные формы рационализации.

Если в классических теориях историческая проблематика, как правило, занимала значительное место, то в 30–50-е годы XX в. историческая ориентация в западной социологии практически исчезает. Как пишет в этой связи П. Штомпка, в данный период лишь отдельные исследователи «время от времени брали на себя роль историков и изучали некоторые ограниченные, конкретные фрагменты прошлого» [6, с. 258]. В качестве примера он приводит работы Р. Мертона, Н. Смелзера, Ш. Эйзенштадта и С. Липсета: «Подобные (хотя и единичные) работы стали известны широкой аудитории и подготовили почву для полного возрождения исторической перспективы в социологии, которое началось лишь в 70–80-х годах» [6, с. 258].

Однако уже в 60-е годы наметился определенный рост интереса к сравнительно-историческим исследованиям, который происходил параллельно с усилением критики структурного функционализма. Историческая ориентация в западной социологии заметно усилилась в 70–80-е годы. В этот период продолжалась успешная институционализация исторической социологии, в особенности в Соединенных Штатах. Как указывает Д. Смит, к концу 80-х годов в Американской социологической ассоциации секция сравнительно-исторических исследований стала одной из крупнейших [4, с. 3]. Основываясь на оценках зарубежных исследователей, А.И. Черных отмечает, что наиболее значительные результаты в современной исторической социологии были достигнуты в изучении следующих областей: развития капитализма, роста национальных государств и систем государств, коллективных действий и социологии религии [9, с. 89].

В 90-е годы на развитие исторической социологии заметное влияние оказали концепции глобализации. В настоящее время проблема глобализации выступает

одной из центральных в социологии. Вполне можно согласиться со следующей оценкой: «Если «постмодерн» был ключевым понятием, содержащим радикальную диагностику времени и поэтому центрировавшим дискуссии по основным вопросам социогуманитарного знания в 80-е годы, то в 90-е годы на подобный статус по праву претендует «глобализация» [10, с. 45].

Процессы глобализации рассматривались социологами уже в 70-е годы, но в тот период их исследования ограничивались главным образом экономической сферой. Примером такого подхода служит теория миросистемы И. Валлерстайна, описывающая процесс глобальной экспансии капиталистической экономики. Оставаясь на марксистских позициях, Валлерстайн широко использовал также работы французских историков школы «Анналов», в особенности Ф. Броделя, изучавшего динамику капиталистической цивилизации.

Предложенная Валлерстайном теория миросистемного анализа ставит под сомнение способы структурирования знания в социальной науке, которые сложились в середине XIX века и, как утверждает этот социолог, продолжают существовать и поныне. Валлерстайн выступает против чрезмерной специализации различных научных дисциплин и считает границы между этими дисциплинами во многом искусственными и надуманными. По мнению Валлерстайна, на место антропологии, экономики, политологии и социологии должна прийти единая социальная наука. Особое внимание этот исследователь уделяет взаимоотношениям между понимаемой таким образом социальной наукой и историей. В данном случае он также настаивает на необходимости преодоления междисциплинарных границ. Согласно Валлерстайну, всякое социальное исследование с необходимостью является историческим.

В качестве основной единицы анализа этот социолог рассматривает «историческую систему». Данный термин охватывает как догосударственные социальные образования (мини-системы), так и системы, состоящие из множества государств (мир-экономики). Лишь один из типов исторической системы (мир-империя) полностью совпадает с государством. Прежде всего Валлерстайн проводит различие между мир-империей и мир-экономикой. Согласно его концепции, мир-империя основывается на политическом господстве над покоренными народами. Как отмечает Валлерстайн, вплоть до XVI века в Европе продолжались попытки воссоздания единой империи, но все они завершились безрезультатно. Начиная с XVI столетия происходит формирование нового типа миросистемы — мировой капиталистической экономики. Валлерстайн разделяет восходящую к М.Веберу идею исторической уникальности западной цивилизации. Но если Вебер рассматривал специфические черты как экономической жизни, так и политической и культурной сфер в странах Запада, то Валлерстайн подчеркивает прежде всего особенности экономического развития Западной Европы, позволившие ей стать ядром мировой капиталистической системы.

Как отмечали некоторые исследователи, теоретические положения, выдвинутые Валлерстайном, тесно связаны с его политическими взглядами. Сам Валлерстайн четко обозначил свои идеологические ориентиры. Еще в ранних работах, посвященных исследованию развивающихся стран Африки, он стремился пропагандировать «взгляд на мировую историю, который лежал в основе революционных идеологий третьего мира» [11, с. 283]. В дальнейшем он также неизменно подчеркивал «антисистемную» направленность своей теоретической деятельности.

Популярность теории миросистемы в американской социологии в 70-е годы была обусловлена не только ее научным содержанием, но и политическими выво-

дами из этой теории. Предложенная Валлерстайном версия неомарксизма оказалась созвучной умонастроениям многих социологов, сформировавшихся в атмосфере радикальных общественных движений конца 60-х годов. В конечном итоге именно политическая программа, которая содержалась в теории миросистемы, стала «основным связующим звеном, объединяющим последователей Валлерстайна» [11, с. 277]. В то же время критика теории миросистемы в западной социологии связана не столько с политическими пристрастиями ее автора, сколько с недостатками самой теории. Валлерстайна критиковали прежде всего за экономический редукционизм и недооценку влияния политических и культурных факторов на развитие общества [2, с. 284–285].

С середины 80-х годов некоторые исследователи начинают уделять все большее внимание политическим и культурным аспектам глобализации. С точки зрения этих исследователей, основным следствием глобализации в политической сфере является относительное ослабление влияния национального государства и одновременное возрастание роли различных международных организаций, а также интернациональных по своему составу социальных движений. При этом анализ политических аспектов глобализации нередко осуществляется с позиций неовеберовской теории.

В неовеберовской исторической макросоциологии можно выделить целый ряд различных теоретических позиций. В рамках данного подхода не существует какой-либо одной наиболее влиятельной концепции. Справедливой является следующая характеристика неовеберовского направления: «Историко-эмпирическая социология, примыкающая к традиции, идущей от Макса Вебера, ... не представляет собой какой-либо парадигмы или четкой школы. Скорее она представлена очень свободно оформленным альянсом» [12, с. 301].

В западной социологии 80-х годов получили распространение новые интерпретации теоретического наследия Вебера. Одну из таких интерпретаций предложил Р. Коллинз. По мнению этого исследователя, важнейшее место в трудах Вебера отведено проблемам политической социологии. С точки зрения американского социолога, следует отказаться от общепринятого взгляда, согласно которому веберовская политическая теория прежде всего имеет дело с внутренней структурой государства. Как подчеркивает этот исследователь, Вебер рассматривал также влияние внешних условий на внутривнутриполитическую ситуацию. «Веберовская теория политики предполагает, что внутренняя политика тесно связана с внешней геополитикой. Способность тех или иных политических сил доминировать в государстве в значительной мере зависит от международного положения данного государства или, как мы можем сказать сегодня, от его места в мировой системе» [13, с. 147].

Коллинз предлагает пересмотреть и дополнить концепцию легитимности в социологии Вебера. Как указывает Коллинз, степень легитимности того или иного политического режима не является величиной постоянной. Уровень легитимности во многом определяется престижем данной страны на международной арене. «Государство сохраняет свою легитимность в той степени, в какой оно способно использовать силу против враждебных государств... Государство, обладающее высоким престижем по сравнению с другими государствами, может рассчитывать на более высокий уровень легитимности, обращаясь с требованием повиновения к своим подданным» [13, с. 158].

Согласно Коллинзу, в рамках международной системы постоянно ведется борьба за престиж: как в мирное время, так и в ходе военных столкновений.

Взаимоотношения между государствами в чем-то аналогичны тем отношениям, которые возникают в обществе между различными статусными группами. Как подчеркивает Коллинз, «процесс «модернизации» представляет собой бесконечную цепочку соперничества успешных «мировых держав» с претендентами на этот статус. Отсюда следует, что имперская экспансия осуществляется ради приобретения или сохранения статуса великой державы, а не в силу одних лишь экономических причин» [13, с. 162]. В качестве примеров борьбы за престиж на международной арене Коллинз рассматривает колониальную экспансию европейских стран в конце XIX века, создание альянсов в Европе перед Первой мировой войной, противостояние СССР и США в период «холодной войны».

Характеризуя влияние международного положения страны на легитимность существующего политического режима, Коллинз отмечает, что победоносные войны или достижение статуса великой державы укрепляют легитимность государственной власти. С другой стороны, военные поражения и внешнеполитические неудачи ведут к утрате легитимности. По мнению Коллинза, его подход к проблеме легитимности в значительной мере совпадает с концепцией социальной революции Т. Скокпол, которая выделяла роль военных поражений государства «старого порядка» как одну из основных причин революции. Как полагает Коллинз, в этом случае крушение политического режима обусловлено не только экономическими трудностями и ослаблением военной мощи, но и утратой легитимности.

Сам Коллинз признает, что его концепция легитимности государственной власти заметно отличается от более привычной модели легитимного господства в социологии Вебера. Однако Коллинз утверждает, что эти две концепции могут дополнять друг друга. Веберовская типология раскрывает структуру легитимного господства, тогда как собственная концепция Коллинза объясняет динамику легитимности. Тем не менее следует отметить, что концепция Коллинза остается во многом односторонней, поскольку полностью игнорирует социокультурные основания легитимности власти. В своих работах Коллинз неизменно выделяет роль геополитических факторов, тогда как все иные причины социальных изменений отходят на второй план.

В 80–90-е годы широкую известность получила книга английского социолога М. Манна «Источники социальной власти». Это исследование опирается на обширный исторический материал, охватывающий как государства Древнего мира, так и современные государства Запада. Отмечалось, что работа Манна по своему масштабу сопоставима с веберовским трудом «Хозяйство и общество» [14, с. 33]. В первом томе книги Манна рассматриваются изменения в отношениях власти на протяжении большей части человеческой истории: с момента возникновения первых городов-государств Междуречья до середины XVIII века. Второй том данной работы посвящен анализу развития капитализма и формирования современных национальных государств от начала Промышленной революции до Первой мировой войны. Социально-экономические и политические изменения в странах Запада прослеживаются во втором томе главным образом на примере пяти государств: Великобритании, Франции, Соединенных Штатов, Австрии и Пруссии (а затем объединенной Германии).

Манн подробно рассматривает изменения в отношениях власти в западных обществах. Он анализирует как перераспределение экономической власти в ходе развития капитализма, так и усиление политической и военной власти в странах Запада, начиная с XVI столетия. Согласно Манну, эволюция современной западной цивилизации связана с формированием капиталистической экономики и индустриализма, но также и современного национального государства и системы

международных отношений, охватывающих страны Европы. Все эти процессы изменений в экономической и политической жизни западных обществ происходили параллельно и оказывали взаимное влияние друг на друга.

Одна из проблем, постоянно обсуждаемых в работах Манна, связана с основаниями власти современного государства. Манн подвергает критике подходы к данной проблеме, представленные в марксизме и функционализме, считая их в равной степени редукционистскими. При этом он в значительной степени опирается на немецкую политическую теорию начала XX века и в том числе на идеи М. Вебера. Манн признает, что он в огромном долгу перед Вебером, хотя и «не столько благодаря принятию его частных теоретических положений, сколько в результате следования его общему взгляду на отношения между обществом, историей и социальным действием» [15, с. 32].

Манн принимает, хотя и с определенными оговорками, веберовское определение государства. Однако, с точки зрения Манна, Вебер не разработал целостной теории государства. Английский социолог пытается сформулировать такую теорию, отчасти основываясь на идеях Вебера, но используя также концепции современной политической социологии.

Манн различает две формы власти государства, которые он определяет как «деспотическую» и «инфраструктурную». Первая из этих форм характеризует способность правящей элиты принимать решения, не считаясь с интересами основных социальных групп. Вторая форма власти связана с возможностями государства контролировать собственную территорию и обеспечивать осуществление принятых решений [16, с. 59]. Согласно Манну, деспотическая и инфраструктурная власть могут образовывать разные сочетания. Опираясь на эти две формы власти, Манн разрабатывает систему идеальных типов, в рамках которых располагаются различные политические режимы. Например, в феодальных государствах обе формы власти были слабо развиты, тогда как в абсолютных монархиях возрастает лишь деспотическая власть. Для современного национального государства характерно существенное усиление инфраструктурной власти. В то же время деспотическая власть присутствует в современных авторитарных режимах, но слабо выражена в условиях демократии.

Английский социолог вновь обращается к идеям Вебера при анализе процесса бюрократизации в странах Запада [16, с. 444–445]. Манн использует веберовский идеальный тип рациональной бюрократии для исследования трансформации административных структур с середины XVIII по начало XX века. При этом он выделяет несколько стадий процесса бюрократизации, на каждой из которых лидирующие позиции принадлежат разным странам. В XVIII веке бюрократизация происходила в абсолютных монархиях, в особенности в Пруссии и Австрии. После революции 1789 года существенно изменяется система государственного управления во Франции, а в первой половине XIX века формируются бюрократические структуры в государственном аппарате Великобритании и США. Наибольшее распространение процесс бюрократизации в странах Запада получает в конце XIX – начале XX века, во многом под влиянием развития промышленности и роста милитаризма.

Исторический анализ формирования современного общества в работах Э. Гидденса также во многом совпадает с неовеберовским подходом. Вместе с тем сам Гидденс не считает себя последователем неовеберовства. Он неоднократно указывал, что теоретические основы современной социологии были заложены в трудах Маркса, Дюркгейма и Вебера. Ни одному из этих классиков Гидденс не отдает явного предпочтения. Кроме того, как полагает Гидденс, опора лишь на клас-

сические теории не позволяет в полной мере раскрыть особенности социальных изменений в современный период.

Центральное место в работах Гидденса отводится осмыслению характера современного общества — общества эпохи модерна. Согласно Гидденсу, общества периода модерна существенно отличаются от всех предшествующих человеческих обществ. Как подчеркивает британский социолог: «Образ жизни, порожденный модерном, полностью отделил нас от всех традиционных форм социального порядка. По своему размаху и интенсивности преобразования, связанные с модерном, являются более глубокими, чем большая часть изменений, характерных для предшествующих периодов» [17, с. 4]. Прежде всего современные общества характеризует резко возросшая скорость изменений во всех сферах социальной жизни. Кроме того, происходит изменение пространственно-временных связей. Если в досовременную эпоху социальная жизнь протекала лишь на уровне локального сообщества, то с приходом модерна различные регионы мира оказываются вовлечены во взаимодействие друг с другом.

В период модерна изменяется сам характер основных социальных институтов. Как указывает Гидденс, большинство социологических теорий стремились выявить в обществах модерна какой-то один доминирующий социальный институт. Эти общества рассматривались обычно как капиталистические либо как индустриальные. В свою очередь, Гидденс определяет капитализм и индустриализм как два различных институциональных измерения модерна, хотя эти измерения и связаны между собой. Следует отметить, что на анализ современного капитализма в работах Гидденса повлияла теория миросистемы И. Валлерстайна. В то же время Гидденс подверг критике экономический редукционизм миросистемного подхода.

Гидденс отмечает также, что в социологических теориях под современным обществом часто имеется в виду национальное государство. Административная система такого государства обеспечивает контроль над определенной территорией. Этот контроль зависит от развития функций надзора, существенно усилившихся по сравнению с аналогичными функциями в досовременных обществах. Развитый аппарат надзора возникает только в эпоху модерна. В данном случае Гидденс в значительной степени опирается на концепцию дисциплинарного общества М. Фуко.

Еще одним институциональным измерением модерна выступает монопольный контроль над средствами вооруженного насилия со стороны государственной власти. Характеризуя особенности современного государства, Гидденс обращается к идеям Вебера. Тем не менее Гидденс не принимает безоговорочно веберовскую концепцию власти государства. По его мнению, Вебер не учитывал в должной мере различия между традиционными и современными государствами. Как утверждает британский социолог, лишь в период модерна существует реальная монополия государственной власти на средства вооруженного насилия, тогда как в предшествующие исторические эпохи она не могла возникнуть [18, с. 18–19]. Следует отметить, что Гидденс не ссылается на исследования Н. Элиаса, показавшего, в частности, что монополия государства на средства насилия установилась в западноевропейских абсолютных монархиях еще до начала социальных изменений эпохи модерна.

С точки зрения Гидденса, анализ общества модерна в классической социологии был неудовлетворительным в силу одномерности рассмотрения трансформации традиционного общества в современное, отождествления общества с национальным государством и игнорирования процесса глобализации. Однако эти замечания не могут быть отнесены к социологии М. Вебера, который исходил из множественности факторов социальных изменений, не смешивал понятия обще-

ства и национального государства, а также рассматривал международные экономические и политические отношения, то есть определенные элементы процесса глобализации. Веберовские идеи получили дальнейшее развитие в современных неовеберовских концепциях, в том числе в работах Р. Коллинза и М. Манна.

Литература

1. Abrams, P. *Historical sociology* / P. Abrams. — N.-Y.: Cornell University Press, 1982.
2. Mandalios, J. *Historical sociology* / J. Mandalios // *The Blackwell companion to social theory* / Ed. by B. Turner. — Oxford: Blackwell, 1996. — P. 278–302.
3. Skocpol, T. *Emerging agendas and recurrent strategies in historical sociology* / T. Skocpol // *Vision and method in historical sociology* / Ed. by T. Skocpol. — Cambridge: Cambridge University Press, 1984. — P. 356–391.
4. Smith, D. *The rise of historical sociology* / D. Smith. — Cambridge: Polity Press, 1991.
5. Skocpol, T. *Sociology's historical imagination* / T. Skocpol // *The classical tradition in sociology. The American tradition* / Ed. by J. Alexander, R. Boudon, M. Cherkaoui. — London: SAGE Publications, 1997. — P. 120–137.
6. Штомпка, П. *Социология социальных изменений* / П. Штомпка. — М.: Аспект Пресс, 1996.
7. Mommsen, W. *The age of bureaucracy: Perspectives on the political sociology of Max Weber* / W. Mommsen. — Oxford: Basil Blackwell, 1974.
8. Черных, А.И. *Историческая социология на Западе (конец XX века)* / А.И. Черных // *Социологические исследования*. — 2002. — № 2. — С. 87–92.
9. Фурс, В.Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса / В.Н. Фурс // *Социологический журнал*. — 2001. — № 1. — С. 44–73.
10. Монсон, П. *Современная западная социология* / П. Монсон. — СПб.: Изд-во «Нотабене», 1992.
11. Collins, R. *Weberian sociological theory* / R. Collins. — Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
12. Axtmann, R. *State formation and the disciplined individual in Weber's historical sociology* / R. Axtmann // *Max Weber, democracy and modernization* / Ed. by R. Schroeder. — London: Macmillan, 1998.
13. Mann, M. *The sources of social power. Vol.1. A history of power from the beginning to AD 1760* / M. Mann. — Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
14. Mann, M. *The sources of social power. Vol.2. The rise of classes and nation-states, 1760–1914* / M. Mann. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
15. Giddens, A. *The consequences of modernity* / A. Giddens. — Cambridge: Polity Press, 1990.
16. Giddens, A. *The nation-state and violence* / A. Giddens. — Cambridge: Polity Press, 1985.